Е.Н. Евсеева

ЭМИГРАНТСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА 20-х гг. (Опыт сравнительной характеристики)

Революция и Гражданская война раскололи Россию надвое. В данной статье рассматривается один аспект существования двух Россий – общее и особенное в системе высшего образования на примере юридического.

В Советской России большевики поначалу не вмешивались в дела высшей школы. Летом 1918 г. очередь дошла и до нее. В октябре 1918 г. был принят декрет, который отменял научные степени, определял порядок увольнения профессоров и преподавателей, проработавших в должности 10 и более лет, и объявлял на освободившиеся места всероссийский конкурс.[1]

Советская система высшего образования, сложившаяся в послереволюционный период, исходила из следующих основных принципов: 1) классовый подход к подготовке специалистов во всех областях, 2) как следствие этого - пересмотр учебных программ и планов в сторону расширения общественных дисциплин в соответствии с теоретическими установками марксизма, 3) ликвидация университетской автономии и введение государственного контроля за высшей школой.

Законодательно подобную основу работы высших учебных заведений закрепил устав высшей школы, утвержденный советским правительством в сентябре 1921 г. Он определял три главные задачи, стоящие перед советской высшей школой «в связи с изменившимися социально-политическими условиями». Таковыми являлись: 1) подготовка кадров специалистов по различным отраслям народного хозяйства и научных работников вузов и научно-исследовательских учреждений, 2) развитие научно-исследовательской работы, 3) превращение высших учебных заведений в центры по распространению научных знаний среди народных масс, интересы которых во всей деятельности высших учебных заведений должны стать приоритетными.[2]

Зимой 1918/19 гг. власти закрыли юридические факультеты университетов и юридические отделения историко-филологических факультетов, где наиболее сильной была оппозиция большевикам. Их заменили факультетами общественных наук.

В ноябре 1920 г. СНК издал декрет «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР», в котором предложил Наркомпросу «ускорить замену на факультете общественных наук Московского университета устаревших лекционных курсов, установить более точное соответствие новых учебных планов отделений факультета функ-

циям тех наркоматов, для которых готовились специалисты». Университет обязывался разослать новые программы на отзыв заинтересованным наркоматам. В феврале 1921 г. ЦК РКП(б) указал Наркомпросу на необходимость разработки программ «учебных заведений основных типов, а затем курсов, лекций, чтений, собеседований, практических занятий».[3] Таким образом, полностью ликвидировалась автономия вузов в составлении учебных программ, и эта работа передавалась в ведение Наркомпроса.

4 марта 1921 г. В.И. Лениным был подписан декрет «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». В соответствии с этим декретом в учебные планы вузов в обязательном порядке включались общественные дисциплины: 1) развитие общественных формаций (тем самым утверждался формационный подход в оценке исторического развития общества), 2) исторический материализм, 3) пролетарская революция (исторические предпосылки революции, включая империализм, его формы и история в контексте истории XIX - XX вв. вообще и рабочего движения в частности), 4) политический строй РСФСР, 5) организация производства и распределения в РСФСР. В общий научный минимум по личному указанию Ленина был включен курс по плану электрификации.[4]

Этот минимум по общественным наукам являлся обязательным для всей высшей школы независимо от профиля и специализации. На факультетах общественных наук предметы, входившие в минимум, изучались в расширенном объеме.

Кроме минимума общественных дисциплин, в вузах вводился минимум по естественным наукам. В качестве обязательных предметов, в том числе в педагогических и юридических учебных заведениях, устанавливалась физика, космическая физика (включая геофизику), химия, биология.

Как отмечалось в советской научной литературе, «введение общего научного минимума помогало формировать у студентов правильный марксистско-ленинский подход к явлениям и событиям общественной жизни, наносило удар по идеалистическим извращениям в науке. Вновь введенные предметы, и в первую очередь исторический материализм, должны были раскрывать перед студентами законы развития общества, показывать неразрывную связь революционной теории с практикой социалистического строительства, помогать усваивать марксистско-ленинскую теорию, которая дает единственно правильное объяснение исторической действительности и вооружает подлинно научным пониманием истории человечества».[5]

В качестве примера рассмотрим процессы, происходившие в двух крупнейших российских университетах – Московском и Петроградском.

Перемены происходили в контексте общего курса на изменение преподавания предметов гуманитарного цикла после 1917 г. Почин в этом деле принадлежал созданной в марте 1918 г. при Наркомпросе РСФСР Комиссии по реформе высшей школы во главе с ученым-астрономом, бывшим предсе-

дателем Моссовета П.К. Штернбергом. 20 апреля 1918 г. комиссия представила предварительный доклад, в котором, в частности, указывалось, что в первую очередь должны быть реформированы юридические и историко-филологические факультеты. На основе этого предложения Наркомпросом было решено закрыть юридический факультеты и на их основе создать факультеты общественных наук (ФОНы).[6]

28 декабря 1918 г. Наркомпрос опубликовал постановление о закрытии юридического факультета в Московском университете и об организации на его базе факультета общественных наук (ФОН). На основании этого же постановления кафедры международного права, финансового права, политической экономии и статистики передавались историческим отделениям историко-филологических факультетов. Кафедра государственного права преобразовывалась в кафедру советского законодательства. Все остальные кафедры права упразднялись. Социалистической Академии общественных наук было поручено разработать учебные планы московского ФОНа.[7]

Преподавание права было переведено на юридическо-политическое отделение. Профессора и преподаватели юридического факультета пытались отстоять принципы, на которых строились прежние учебные планы, выступая против введения новых «классовых» курсов. Так, в протоколе заседания совета юридико-политического отделения от 26 сентября 1919 г., подписанного профессором М.М. Винавером, членом кадетской партии, отмечалось, что включенный в обязательном порядке в учебный план ФОНа курс «Рабочее право и история рабочего законодательства» является «излишним».[8]

Наркомпрос, под предлогом «специализации», существенно сужал объем преподавания общеправовых дисциплин, таких, как римское право, международное право, история права, церковное право. За счет сокращения преподавания этих предметов вводились исторический материализм, политический строй Советской республики, экономическая политика Советской власти. Тот факт, что, несмотря на неоднократные попытки внедрить новые принципы и предметы преподавания в систему ФОНа Московского университета, на нем продолжалось чтение курсов по старым программам упраздненного юридического факультета, вызывал недовольство партийно-государственных верхов. XII конференция РКП(б) отмечала, что антисоветские течения систематически пытаются превратить «кафедру высших учебных заведений в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды…»[9]

В программу ФОНов вводились и такие новые предметы, как советское государственное управление, уголовное и административное право РСФСР, советское законодательство о труде, государственный контроль; в связи с переходом к новой экономической политики в отдельный курс было выделено советское кооперативное право. По существу, эти предметы представляли собой видоизмененные в связи с новыми общественно-политическими условиями предметы - гражданское и государственное право, уголовное право и процесс, и по конкретным отраслям права.

В Петроградском университете, в отличие от Московского, реорганизация юридического образования несколько затянулась, но общее направление было тем же.

Этой реорганизации сопутствовали споры о перспективах высшего юридического образования в Советской России. В результате вопрос о судьбе юридических факультетов вузов снова встал на повестку дня осенью 1918 г.

Получив в целом положительные мнения Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата внутренних дел, Высшего совета народного хозяйства и других ведомств, Наркомпрос по докладу М.Н. Покровского принял постановление о закрытии юридических факультетов «ввиду совершенной устарелости учебных планов юридических факультетов…, а также полного несоответствия этих планов как требованиям научной методологии, так и потребностям советских учреждений в высококвалифицированных кадрах». Социалистической академии общественных наук поручалось до 15 января 1919 г. разработать учебный план факультетов общественных наук, создаваемых взамен упраздняемых юридических факультетов.[10]

3 марта 1919 г. Наркомпрос утвердил положение о ФОНах, в соответствии с которым они создавались вместо бывших юридических факультетов и исторических отделений историко-филологических факультетов и состояли из трех отделений: экономического, политико-юридического и исторического.[11] Целью ФОНов объявлялись «распространение и разработка идей научного социализма и материалистического мировоззрения во всех областях обществоведения». А также выдвигалось требование переработки учебных планов юридических и историко-филологических факультетов в соответствии с переменами, происшедшими в политической организации общества.

Тем не менее, несмотря на утвержденный состав, ФОН Московского университета к началу 1921 г. включал в себя не три отделения, как предполагалось, а шесть: политико-юридическое, социально-экономическое, философское, историческое, филологическое, этнолого-лингвистическое.

В начале 20-х гг. в структуре ФОНов снова произошли перемены. В Петроградском университете политико-юридическое отделение было преобразовано в правовое. Разработанный в 1921/22 учебном году новый типовой план правового отделения (фактически он представлял собой возрожденный в ущербном виде план юридического факультета), исходя из четкой практической ориентации, устанавливал два цикла - судебный и административный. Студенты отделения прослушивали все основные курсы и проходили все семинары независимо от специализации, которая осуществлялась в рамках спецкурсов и спецсеминаров. В число общеобязательных дисциплин были включены курсы: происхождение и развитие общественных форм, исторический материализм, политическая экономия, финансы, экономическая политика РСФСР, статистика, история социализма. В то же время были разработаны новые курсы по юридическим дисциплинам: государственное, администра-

тивное, хозяйственное, гражданское, трудовое, земельное, уголовное и международное право, гражданский и уголовный процесс. К специальным предметам судебного цикла относились курсы по уголовной этнологии, судебной медицине и психиатрии, криминалистике и т.д., а также административного цикла - по организации профсоюзов, теории и практике кооперации, государственному контролю, административной юстиции.[12]

Одновременно внедрялся «бригадно-лабораторный» метод в изучение дисциплин во всех вузах страны, что коснулось и правового отделения. Его учебный план включал значительно меньше дисциплин, чем план политико-юридического отделения, и отличался более четкой специализацией. В нем допускались отступления от типового плана, вводилось деление курсов и семинаров на обязательные и необязательные, а также вводились дисциплины, учебным планом не предусмотренные (общая теория права, кооперативное право, уголовная политика, детская беспризорность, детская преступность и борьба с ней).[13]

На этом изменения на бывшем юридическом факультете Петроградского (Ленинградского) университета не прекратились. В мае 1924 г. было принято решение о закрытии правового отделения к 1 октября 1926 г. Студентам последнего курса предоставлялось право закончить обучение по программе ФОНа университета. Прием студентов на правовое отделение прекратился.

В отличие от советских образовательных стандартов в высшей школе и подходов к подготовке специалистов, в эмиграции русскими учеными и профессорами была поставлена задача сохранения традиций русского высшего, в том числе и юридического, образования, подготовки специалистов, необходимых для будущей, освобожденной от большевизма России. Русскими эмигрантами был проделан титанический труд по созданию в центрах рассеяния юридических факультетов. Преподавание на юридических факультетах было построено по образцу юридических факультетов русских университетов дореволюционного периода, и в своей учебной практике они опирались на положения Устава российских университетов от 23 августа 1884 г. (с последующими изменениями, внесенными в него до октября 1917 г.). Как и в советской образовательной системе, в основу был положен принцип соответствия знаний, которые получат выпускники юридического факультета, их последующей практической работе. Но, поскольку в будущем предполагалось использование полученных знаний в России, преподавание строилось на сочетании изучения русского национального права и правовой системы западноевропейских государств, в том числе и Чехословацкой республики.[14]

В отличие от советского правового образования, ориентированного на исключение преподавания «буржуазного» права и факультативное изучение права иностранных государств, студенты эмигрантских юридических факультетов знакомились с основными положениями советского права, при-

чем упор делался на его отступления от начал, положенных в основу права западных государств.

Полные и конкретные представления на этот счет дает история Русского юридического факультета в Праге (РЮФ). По инициативе Учебной коллегии «Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике» был поставлен вопрос об организации обучения эмигрантской молодежи по обычному для дореволюционной России курсу русского юридического факультета. Основой нового высшего учебного заведения была взята юридико-экономическая секция гуманитарного отделения Русских высших дополнительных курсов, которая по своему преподавательскому составу приближалась к полному юридическому факультету дореволюционных русских университетов.[15] Юридическое образование в высших учебных заведениях Чехословакии и других стран имело по преимуществу национальный характер. Однако для живших надеждой на возможную деятельность в России русских молодых людей необходимо было твердое знание исторических особенностей и условий развития именно русского права.

После долгих дебатов о месте его работы, статусе и т.п. 18 мая 1922 г. в Праге состоялось торжественное открытие Русского юридического факультета.[16] А 13 июля 1922 г. произошло торжественное принятие РЮФ под покровительство Карлова университета в Праге.[17] Факультет был открыт прежде всего благодаря организаторскому таланту и энергии его первого декана - Павла Ивановича Новгородцева.

Родился он в г. Бахмуте в 1866 г. По окончании Бахмутской гимназии с золотой медалью он поступил в 1884 г. в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета, но в этом же году перешел на юридический факультет. Закончив его, он был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре энциклопедии и философии права с содержанием из сумм министерства. В конце 1880-х гг. Новгородцев сблизился с социал-либеральным кружком В. Вернадского и С. Ольденбурга («Приютинское братство») и принял участие в ряде его общественных инициатив. Выдержав магистерский экзамен, он был командирован за границу. Посвятив себя изучению философии и права, он провел годы научной командировки в различных европейских центрах.

С 1896 г. Новгородцев читал лекции в Московском университете в качестве приват-доцента. В 1897 г. он защитил диссертацию на ученую степень магистра по теме «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба». В 1902 г. он защитил при Петербургском университете диссертацию на ученую степень доктора государственного права по теме «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве». В 1903 г. он был назначен экстраординарным профессором, а в 1904 г. – ординарным профессором Московского университета. В 1901 - 1902 гг. вместе с представителями «критического направления» в русском марксизме он стал одним из составителей и редактором сборника «Проблемы идеализма» (1902 г.), положившего начало синте-

тическому либерально-социалистическому «идеалистическому направлению» в русском освободительном движении.

С 1904 г. Новгородцев состоял членом Совета «Союза освобождения», в конце 1905 г. вступил в партию кадетов, а в марте того же года был кооптирован в ее ЦК. В 1906 г. Новгородцев был избран депутатом I Государственной думы от Екатеринославской губернии. В связи с невозможностью совмещения преподавательской и депутатской деятельности он покинул кафедру, однако продолжал оставаться в Московском университете в качестве приват-доцента. После роспуска Думы он подписал «Выборгское воззвание» о гражданском неповиновении в знак протеста против роспуска, за что подвергся тюремному заключению. В результате этого он не получил утверждение в должности ординарного профессора и остался приват-доцентом университета. Вследствие несогласия с политикой Министерства народного просвещения, вместе с другими профессорами он покинул университет в 1911 г.

После этого Новгородцев сконцентрировал свою деятельность на Московском коммерческом институте, в котором он был первым директором, а также возглавлял кафедру государственного права. Этот институт начал свое существование со скромных коммерческих курсов в 1906 г. Благодаря исключительной энергии Новгородцева в 1912 г. курсы уже были утверждены правительством в качестве высшего учебного заведения, которое насчитывало более 6 тыс. слушателей. Он оставался бессменным директором института до 1918 г.

В годы Первой мировой войны Новгородцев был активным сотрудником Всероссийского союза городов и московским уполномоченным Особого совещания по топливу. После Февральской революции он вновь был избран профессором Московского университета, стал членом-учредителем «Лиги русской культуры», ее Временного комитета в Москве. Избранный снова в состав ЦК кадетской партии, Новгородцев занял определенно правую позицию, считая необходимым установление военной диктатуры для предотвращения государственной катастрофы. В 1918 г. он стал одним из инициаторов создания и руководителем ряда антибольшевистских подпольных организаций в Москве. Тогда же он принял участие в сборнике «Из глубины». Счастливо избежав ареста в мае, он перешел на нелегальное положение и вскоре покинул Москву. До 1920 г. он жил на юге России и преподавательской деятельностью не занимался. Из-за боязни навредить семье, оставшейся в Советской России, он отказывался от занятия официальных постов и от публичных выступлений, хотя негласно участвовал в разработке законопроектов Особого совещания при главкоме ВСЮР генерале А.И. Деникине. В 1919 г. он участвовал в конференциях кадетской партии в Екатеринодаре и Харькове. В 1920 г. его избрали ординарным профессором Таврического университета. Преподавал он там всего лишь несколько недель и после окончания зимнего семестра 1920 г. уехал в заграничную командировку. Однако

после падения Крыма и эвакуации армии генерала П.Н. Врангеля он не смог вернуться в Симферополь.

Некоторое время Новгородцев жил в Берлине, сотрудничал в газете «Руль», участвовал в работе местной кадетской группы. Вместе с рядом других русских профессоров он был приглашен в Прагу, где возглавил юридико-экономические курсы, которые весной 1922 г. были преобразованы в Русский юридический факультет.

По своему призванию Новгородцев был философом права и историком политических учений. На кафедре Московского университета ему досталось наследство Б.Н. Чичерина. Талант Новгородцева в отличие от Чичерина проявился в способности тонко проникать в современность. Он ощущал пульс жизни и умел не отрывать теории от «древа жизни». С его первых научных выступлений обнаружились эти способности. Его первая диссертация об «Исторической школе» юристов была посвящена сюжетам чисто академическим. Однако он выбрал вопрос, связанный с самыми острыми жизненными проблемами, волновавшими тогда юристов, философов права и государствоведов. В то время в юридической науке начинался «кризис позитивизма и социологизма». В западноевропейских странах в области философии был распространен философский идеализм. В юридической науке ощущалось наличие пробуждавшихся философских стремлений. Все эти новые веяния ловил в своей работе молодой ученый. В его первой книге выделялись две идеи, которые сыграли большую роль в истории мысли русской интеллигенции: идея философского идеализма и идея возрождения естественного права. Этот успех поставил Новгородцева в ряды идейных руководителей русской интеллигентской мысли. Философию права он понимал как науку об общественном идеале. Все его главные научные труды были посвящены данной проблеме в ее разных аспектах.

Работы Новгородцева можно разделить на две группы: чисто исторические и посвященные изучению идеалов современного ему общества. В своих лекциях, вышедших в разное время в различных изданиях, он излагал историю политических учений.

Другая группа его работ была посвящена изучению политических и общественных идеалов того времени. Больше всего Новгородцева интересовали проблема правового государства и проблема социализма и анархизма. Первой теме была посвящена работа «Кризис современного правосознания», а второй – «Об общественном идеале». В первой работе были затронуты острые вопросы новейшей демократической государственности. Новгородцев не относился к демократии отрицательно, но показывал относительность ее политических знаний. Он считал, что «демократия не есть универсальная панацея от всех социальных бедствий, но один из способов политического устройства, имеющий свои достоинства и свои недостатки». Наиболее важной и существенной проблемой он считал борьбу против абсолютизации общественных идеалов, обнаружение их относительности. Основная мысль в его

работе «Об общественном идеале» была выражена в формуле: «крушение идеи земного рая» или «замена идеи конечного совершенства началом бесконечного совершенствования». «Такая замена, - говорил Новгородцев, - снимая печать абсолютизма с временных исторических идеалов, в то же время обращает мысль к подлинным законам и задачам исторического развития». Под этим углом зрения автор исследовал и современный ему социализм.

Привычное течение научных занятий нарушили бурные события тех лет. Новгородцев не закончил второй том рукописи «Об общественном идеале», который был посвящен изучению теории анархизма и социализма. Эта рукопись на долгое время была изъята у автора. В этот период во взглядах Новгородцева наметился поворот в сторону религии. С его точки зрения, особенно значительным было то обстоятельство, что данный вопрос утвердил его в мысли об «идее крушения земного рая». В русской религиозной философии он нашел подтверждение этой мысли, в основном, у славянофилов, Хомякова и Достоевского. В связи с проблемой религиозного общения и церкви эта мысль возникла в новом освещении. В данном направлении он собирался сформулировать заключительные выводы второго тома сочинения «Об общественном идеале». Он считал, что в данной работе он должен был сказать самое важное и значительное, что им еще не было сказано.

Последние работы Новгородцева были написаны на самые актуальные и злободневные политические темы. Автор придал этим работам характер объективной научности. Новгородцев был блестящим стилистом, а также обладал даром превосходного изложения. Все это вместе взятое обеспечило его сочинениям большой успех. С 1917 г. первый том «Об общественном идеале» вышел тремя изданиями.

С самого начала его научной деятельности вокруг Новгородцева объединялись люди, которые учились у него и жили вместе с ним общей научной жизнью. Его влияние на молодых русских философов и юристов было огромно. Воззрения ученого оказали большое влияние на русскую либеральную интеллигенцию. Он был одним из немногих теоретиков русского либерализма. Необходимо констатировать тот факт, что социально-политическая программа русского либерализма была глубоко отражена и обоснована в трудах Новгородцева.

Не менее замечательно и то, что Новгородцев обладал исключительным административным даром, который он проявлял на протяжении всей своей академической и общественной деятельности. Коммерческий институт, которым он руководил, был одним из лучших высших учебных заведений России. По прибытии в Прагу Новгородцев сразу же занялся творческой организационной работой. Вся сложная академическая организация в Праге, по общему мнению, была итогом его энергии и его планов. Любимым детищем Новгородцева стал Русский юридический факультет в Праге. Вот его слова, произнесенные при открытии РЮФ: «Среди неясных обстоятельств, перед лицом неведомого будущего начинаем мы дело, которое прежде всего требу-

ет твердого, спокойного и уверенного руководства, большого напряжения сил и большой веры в Россию… Учреждая наш факультет, мы твердо верим, что приближается время, когда Россия со стихийной и неудержимой силой обратится к правовым началам, когда, истомленная и исстрадавшаяся, она придет к необходимости строить свое государственное и общественное бытие на строгих и точных началах права… Мы хотим, чтобы наши молодые люди, эти будущие строители России, твердо усвоили ту мысль, что среди тысячи путей, разрушенных и заброшенных в разоренной России, в ней должен быть прежде всего восстановлен такой важный и необходимый путь, как путь права, путь спокойного развития на началах свободы, законности и справедливости».

Он хотел, чтобы РЮФ был исключительно высшим учебным заведением, отметавшим от себя любые агитационные цели. Новгородцев говорил по этому поводу: «Русский юридический факультет не должен быть ни школой контрреволюции, ни школой революции; он будет только школой науки».

Новгородцев был весьма требовательным и строгим деканом. Он снискал любовь и уважение и со стороны сослуживцев, и со стороны студентов. У него был дар объединять людей. Он создал в среде преподавателей и студентов дух солидарности и преданности факультету.

Многие свои планы он не успел осуществить. 5 февраля 1924 г. было рассмотрено его заявление о временном освобождении от обязанностей декана вследствие болезни. А 23 апреля 1924 г. Павел Иванович Новгородцев скончался.[18]

Для учреждения РЮФ Новгородцевым был составлен проект устава факультета, в общих чертах соответствовавший русскому университетскому уставу 1884 г., но с некоторыми поправками, вызванными особыми условиями заграничного существования.[19]

В уставе определялась цель организации факультета: создание условий для получения законченного юридического образования. Устав определял, что РЮФ находится в ведении чехословацкого правительства, а непосредственно управление факультетом принадлежит декану и собранию факультета.

Декан избирался из профессорского состава факультета и утверждался приказом министра просвещения Чехословакии на один год. В его обязанности входило: осуществление руководства и контроля за работой учебной части и соответствия преподавания учебному плану, за соблюдением студентами правил внутреннего распорядка, за исполнением сотрудниками и преподавателями их обязанностей, за заседаниями факультета и расходованием денежных средств. Кроме того, декан решал вопросы зачисления студентов на факультет и т.п.

Личный состав факультета включал декана, профессоров, доцентов, приват-доцентов, лекторов и сотрудников учебно-вспомогательных структур.

Собрание факультета состояло из всех профессоров и доцентов под председательством декана. В компетенцию собрания входили дела, подлежащие окончательному решению факультета, и дела, представленные на рассмотрение или утверждение Министерства народного просвещения Чехословакии. Собиралось оно по мере надобности деканом факультета. На заседаниях должны были присутствовать все члены собрания; отсутствие допускалось только по уважительной причине с обязательным извещением о том декана, а также с занесением причин отсутствия в журнал заседания. Избрание на должность решалось баллотированием. Отсутствующий имел право передать свой шар одному из членов собрания, письменно уведомив председателя об этой передаче голоса перед началом баллотирования. В учебное время года собрание рассматривало вверенные ему дела в присутствии на заседании не менее половины всех членов собрания. Срочные дела рассматривались и при меньшем составе, но на таких заседаниях не рассматривались дела о выборах на должности, диссертациях и утверждениях в ученых степенях. Все вопросы, за исключением избрания на должности, решались простым большинством голосов. При разделении голосов поровну принималось мнение председателя собрания.

Правление факультета состояло из трех ординарных профессоров, которые избирались факультетом и утверждались Министерством народного просвещения Чехословакии, а также декана факультета, который являлся председателем правления. Правление распоряжалось финансами, решало вопросы издания научных трудов, занималось приемом студентов на факультет, отчислением и т.д.

РЮФ под руководством декана должен был заботиться о полноте, последовательности и правильности преподавания предметов, а также принимать все меры для предоставления студентам возможности в надлежащем порядке и полном объеме прослушать все предметы учебного плана, входившие в состав испытаний, предстоящих для завершения полного курса. Учебные планы рассматривались собранием факультета и представлялись на утверждение Министерства народного просвещения.

По завершению обучения студенты подвергались испытаниям в юридической комиссии. К испытаниям допускались студенты, которым было зачтено восемь полугодий и выдано выпускное свидетельство. Правила испытаний в комиссии и требования к испытуемым утверждались министром народного просвещения Чехословакии. Лица, прошедшие испытания, получали дипломы I или II степени за подписью декана и секретаря факультета.

На факультете проводились также испытания на ученые степени, состязательные испытания на стипендию, проверочные и полукурсовые испытания.

На факультете присваивались две ученые степени – магистра и доктора. К испытанию на степень магистра допускались лица, представившие диплом об окончании факультета. Для получения степени магистра, помимо

испытаний, необходимо было публично защитить диссертацию. Для получения степени доктора требовалась публичная защита диссертации.

Студентами РЮФ могли стать лица, закончившие классические гимназии и получившие дипломы таковых.[20] Закончившие реальные училища или другие средние учебные заведения должны были сдать дополнительный экзамен по латинскому языку. Для поступления на факультет необходимо было представить подлинники (или заверенные копии) документов, удостоверявших или об окончании среднего учебного заведения, или об обучении в одном из русских высших учебных заведений. Те, кто не имел таковых документов, должен был сдать коллоквиум на юридическом факультете за курс среднего учебного заведения или соответствующего семестра высшего учебного заведения. Те, кто желал быть вольнослушателями, имели право не представлять академических документов и не сдавать коллоквиумы. При приеме на РЮФ не допускались никакие ограничения ни по национальному признаку, ни по подданству. Те, кто не состоял на иждивении «Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии» и не был признан факультетом неимущим, должны были платить 60 чешских крон в полугодие за право обучения (прожиточный минимум в Праге составлял тогда 600 крон в месяц).

Все студенты факультета были обязаны сдавать не менее трех экзаменов в течение учебного года по прослушанным ими предметам в качестве необходимого минимума. Кроме того, необходимо было по согласованию с преподавателем представить курсовую работу. По другим предметам необходимо было сдавать полукурсовые испытания в ближайшую экзаменационную сессию. Студенты 4-го курса освобождались от курсовой работы, но должны были сдать зачеты по практическим занятиям по гражданскому и уголовному праву. Для достижения лучшей результативности в процессе обучения рекомендовалось из входивших в минимум предметов сдавать экзамены по истории римского права и политической экономии на 1-м курсе, по истории русского права и догме римского права – на 2-м, по государственному и финансовому праву – на 3-м. Но нельзя было сдавать экзамен по догме римского права прежде экзамена по истории римского права, экзамен по административному праву - прежде экзамена по истории русского права и т.д. Все студенты, поступившие на РЮФ после 1 марта 1923 г., должны были сдавать экзамен по чешскому языку. Программа по данному предмету утверждалась правлением Учебной коллегии при «Комитете по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии».[21]

В основу преподавания на РЮФ было положено изучение русского национального права. Одновременно с этим большое внимание уделялось законодательству западноевропейских государств как в области публичного, так и в области частного права. Особое внимание обращалось на право Чехословацкой республики. Кроме того, студенты знакомились и с основами советского строя, с указанием на главные отступления советских порядков от

начал, положенных в основу права цивилизованных государств. Параллельно с преподаванием основных предметов в программу обучения были включены такие дисциплины, как логика, русская история, психология и другие, что соответствовало учебным планам некоторых русских университетов. Особое внимание уделялось экономическим наукам. Кроме общетеоретического курса политической экономии, который читали параллельно академик П.Б. Струве и профессор В.А. Косинский, на факультете читался особый курс истории экономических учений, а также целый ряд эпизодических курсов.

Лекции на первых трех курсах начались в мае 1922 г., а с осени 1922 г. - на всех четырех курсах.[22]

К основным предметам, изучавшимся студентами на 1-м курсе, относились: общая теория права, история римского права, история русского права и политическая экономия. Лекции по общей теории права читал профессор А.Н. Фатеев, в прошлом - профессор Харьковского университета и Коммерческого института, магистр государственного права, профессор общей теории права и истории философии права. Одновременно с чтением лекций он организовал семинарий, на котором велись практические занятия со студентами. Этот семинарий возник в 1922 г. Его работа состояла из трех этапов: 1) территория, неорганические и органические условия – физическая среда правового явления, 2) население, надорганические условия правового явления, 3) структура и форма правового явления, нравственность, религия, содержание правового идеала. При этой схеме все участники семинария для решения поставленных задач изучали фактический материал об избранных ими странах. Выбор страны был обусловлен знанием языка страны и непосредственным знакомством с ней.

Лекции по истории римского права читали профессор М.М. Катков и профессор Д.Д. Гримм. Михаил Мефодьевич Катков был доктором римского права, бывшим профессором Киевского университета Св. Владимира, Коммерческого института и Высших женских курсов в Киеве. Давид Давидович Гримм – доктором римского права, бывшим заслуженным профессором и ректором Петроградского университета. В летнем семестре 1922 г. лекции по истории русского права читал профессор Георгий Владимирович Вернадский – бывший приват-доцент Петроградского университета, а позднее - Таврического, магистр русской истории; с осени 1923 г. он вел семинарий, в котором изучалась история высших государственных учреждений и сословий России в XVШ и XIX вв. Особое внимание обращалось на изучение крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., деятельности М.М. Сперанского, истории русского права XVI - XVII вв., юридическое содержание русских летописей и т.д.

Лекции по политической экономии читали бывший профессор и декан юридического факультета Новороссийского университета (г. Одесса), затем - профессор Киевского политехнического и коммерческого институтов, доктор политехнической экономии и статистики Владимир Андреевич Ко-

синский и бывший профессор Московского лицея, приват-доцент Московского университета и Коммерческого института, позднее - профессор Тифлисского политехникума, доктор политической экономии и статистики Ваган Фомич Тотомианц. Этот же курс читал и профессор Петр Бернгардович Струве – бывший профессор Петроградского политехнического института, действительный член Российской Академии Наук, доктор политической экономии и статистики.

К основным предметам, преподававшимся студентам 2-го курса, относились история философии права, статистика, государственное право, догма римского права, финансовое право. Помимо лекций по ряду курсов читались эпизодические курсы и проводились семинарии. Так, например, по курсу истории философии права читались эпизодические курсы (Платон и Аристотель, история философии права в XIX и начале XX вв.), проводился семинарий по философии права и государственному праву. Лекции по статистике читал бывший заслуженный профессор Петроградского университета, позднее - профессор Таврического университета, доктор политической экономии и статистики Павел Иванович Георгиевский. Профессор Московского коммерческого института, позднее - профессор Таврического университета, магистр государственного права Николай Николаевич Алексеев читал лекции по государственному праву.

К основным предметам, которые изучались на 3-м курсе, относились административное право, церковное право, уголовное право и гражданское право. Курс административного права читал доцент Александр Александрович Боголепов – бывший приват-доцент Петроградского университета. Лекции по церковному праву читал профессор, протоиерей Сергей Николаевич Булгаков - бывший профессор Московского университета и Московского коммерческого института, позднее - Таврического университета, доктор политической экономии и статистики. Курс по уголовному праву читали профессор Александр Васильевич Маклецов – бывший приват-доцент Харьковского университета, профессор Ново-Александрийского института сельского хозяйства (г. Харьков), магистрант уголовного права и профессор Николай Сергеевич Тимашев – бывший приват-доцент Петроградского университета. Бывший профессор Петроградского политехнического института, профессор Императорского Александровского лицея (г. Петроград), преподаватель гражданского права и сенатор Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената Сергей Владиславович Завадский читал курс по гражданскому праву.

Основными предметами, преподававшимися на 4-м курсе, были уголовный процесс, гражданский процесс, торговое право и международное право. Помимо лекций проводились практические занятия по следственному производству и судебному следствию.[23]

После смерти Новгородцева деканом РЮФ стал профессор Д.Д. Гримм, который в 1927 г. сложил с себя обязанности декана в связи с избра-

нием его профессором по кафедре римского права юридического факультета Дерптского университета. Затем деканом был избран профессор Евгений Васильевич Спекторский, который осенью 1927 г. отбыл в Белградский университет. Наконец, последним деканом был профессор Александр Александрович Вилков.[24]

С самого основания РЮФ уделял большое внимание вопросу подготовки будущих ученых и педагогов. Первоначально при факультете оставляли лиц, ранее готовившихся к профессорскому званию при российских высших учебных заведениях, которым революция и война помешали закончить научную подготовку. Впоследствии контингент оставленных пополнялся теми, кто окончил РЮФ в Праге. Часть из них зачислялась на соответствующие стипендии, выплачиваемые МИД ЧСР.

С мая 1922 г. по июль 1928 г. РЮФ успешно закончило 384 человека.[25]

В период существования РЮФ перед ним стояла довольно непростая проблема признания диплома.[26] Так как РЮФ по своему статусу был частным высшим учебным заведением, его руководителям для решения данной проблемы приходилось обращаться в различные учреждения Чехословакии. Ситуация осложнялась тем, что устав РЮФ не был утвержден. Если бы окончившие факультет могли приложить свои знания в России или спокойно ожидать наступление такого времени, то неудобства этого неоформленного положения не были бы так велики. Но существовавшая политическая обстановка, крушение надежд на скорое возвращение в Россию заставили молодых людей искать приложение своих знаний за границей. Поэтому неоформленное положение факультета создавало серьезные трудности для окончивших его. Те из них, кто обосновался во Франции, нашли наиболее благоприятные условия, потому что французское Министерство народного просвещения предоставило Парижскому юридическому факультету право допускать окончивших РЮФ в Праге к записи доктората. Карлов и другие университеты Чехословакии вообще не засчитывали ни прослушанные семестры, ни сданные экзамены на РЮФ в Праге. В случае желания лиц, окончивших полный курс факультета, дополнить свое юридическое образование в чешских университетах требовалось обучаться заново. Такие же трудности были и в Польше. Там можно было нострифицировать диплом факультета после дополнительных экзаменов при условии представления от правительства Чехословакии подтверждения о том, что РЮФ в Праге приравнивался к высшему учебному заведению. В результате неимоверных усилий в конце 20-х гг. этот вопрос был все же решен. Дипломы РЮФ были нострифицированы Карловым университетом.

Следует сказать и о научной деятельности преподавателей РЮФ. Так, например, за 1923 - 1924 гг. было опубликовано 248 работ, сдано в печать – 72, подготовлено к печати – 176. За 1925 - 1926 гг. было опубликовано 317 работ, 198 – подготовлено к печати, 125 – находилось на стадии доработ-

ки, было сделано 187 научных докладов. Научная деятельность преподавателей факультета выливалась в большое число работ – от небольших статей до крупных монографий, касавшихся разнообразных проблем, не только юридических, но и политических, социально-экономических, философских. Предметом изучения в них, в большинстве случаев, были явления русской жизни, в ее прошлом и настоящем. Некоторые работы были посвящены изучению Чехословакии. Отдельные статьи и очерки публиковались в различных сборниках и журналах на русском языке – «Труды русских ученых», «Ученые записки Русской учебной коллегии в Праге», «Русская мысль», «Евразийский временник», «Сборник по вопросам денежного обращения» и других. Часть научных исследований была опубликована на немецком, французском, английском, итальянском, чешском, сербском, болгарском языках.[27]

Русский юридический факультет в Праге благополучно проработал до 1925 г., когда началось постепенное свертывание учебного процесса.

18 мая 1926 г. на праздновании 4-й годовщины открытия факультета с речью выступил декан РЮФ профессор Гримм. Он подчеркнул, что «задача факультета неизменно продолжает оставаться той же, которая была завещана ему незабвенным основателем его профессором Новгородцевым: подготовка новых кадров русских юристов, усвоивших, на фоне широкого общего юридического и экономического образования, начала русского национального права в исторической и догматической его постановке, и одновременная подготовка нового поколения ученых русских правоведов, которые могли бы явиться на смену нашему старшему поколению».[28] Затем он констатировал факт постепенной ликвидации «русской акции» и начало свертывания РЮФ, что выразилось в прекращении приема студентов на 1-й курс с 1925/26 учебного года и планировании последнего выпуска на 1929 г.

Закончил декан свое выступление призывом к профессуре и студентам «сохранять бодрость духа, спокойно и достойно продолжать, пока есть к тому возможность, начатое нами истинно национальное дело насаждения и укрепления среди подрастающего поколения великих начал законности, этих основных устоев всякой истинной государственности».[29]

18 мая 1928 г. на праздновании 6-летия РЮФ и.о. декана профессор Вилков, говоря о перспективах факультета, отмечал, что «с прекращением нормального преподавания на факультете отнюдь не прекращается его деятельность вообще: юридический факультет остается и далее как ученая корпорация, его члены будут продолжать свою ученую работу, будут руководить научными занятиями лиц, оставленных при факультете для приготовления к профессорскому званию, предполагается также организация лекций, семинаров, докладов и, быть может, даже целых циклов лекций как для окончивших факультет, так и для других лиц, интересующихся вопросами права».[30]

Занятия на РЮФе продолжались до весны 1928 г., а последний выпуск состоялся в 1929 г.

С 1925/26 учебного года был прекращен прием студентов на 1-й курс факультета. Последний выпуск юристов намечался весной 1929 г. Далее предполагалось продолжать лишь исследовательскую работу и связанную с ней подготовку новых молодых научных кадров.

Итак, Русский юридический факультет в Праге, успешно работавший с 1922 по 1929 гг., в результате свертывания в правительством Чехословакии «русской акции» был преобразован в научную корпорацию.

В то время, как РЮФ постепенно свертывал образовательный процесс, в середине 20-х гг. в СССР в структуре подготовки по юридическим специальностям наметились позитивные изменения. В соответствии с решением СНК РСФСР от 17 мая 1925 г. факультет общественных наук в Московском университете был ликвидирован и на его основе был создан этнологический факультет с отделениями: историко-археологическим, литературы и изобразительных искусств, этнографическим и советского права. Последнее, в свою очередь, делилось на отделения: судебное, хозяйственно-правовое, государственно-административное и международное.

В соответствии с утвержденными учебными программами, на факультете советского права судебное отделение готовило работников прокуратуры и адвокатов, хозяйственно-правовое - юрисконсультов по правовым и хозяйственным вопросам, семейному и гражданскому праву, государственно-административное - работников для государственного аппарата (будущей «номенклатуры»), международное - сотрудников для Народных комиссариатов иностранных дел и внешней торговли.

В рамках марксистских трактовок права развивалась и научная работа. Начали разрабатываться и новые отрасли права, типичные, как тогда утверждалось, только для социалистического общества. Это, в частности, относилось к выделению в самостоятельные отрасли земельного и колхозного права. Профессор И.И. Евтихиев разработал правовую основу понятия государственного земельного фонда. Профессор И.Б. Новицкий в работе «Правовое положение сельскохозяйственных коллективов», изданной в 1929 г., обосновывал правовой статус колхозного землепользования и землеустройства.[31]

1925/26 учебный год стал годом возрождения юридического факультета и юридического образования в рамках Московского университета. В 1925 г. в своем ходатайстве в Наркомпрос университет указывал, что причины, по которым правовое отделение закрывалось в 1924 г. (несоответствие преподавания задачам социалистического строительства, «перепроизводство» юристов с высшим образованием, соображения государственной экономии и т.д.), уже могут не приниматься в расчет.

Новый факультет открылся с 1926/1927 учебного года, тогда же был проведен прием на 1-й курс. Все студенты «бывшего правового отделения», еще не окончившие университет, были переведены на факультет советского права.

Что касается учебного плана и учебных программ факультета советского права, который был официально утвержден 8 марта 1927 г., то в нем сохранялось повышенное внимание к «обществоведческим» дисциплинам. Была отвергнута установка на приоритетное развитие узкой специализации и профессиональной подготовки за счет сокращения количества общеобразовательных «марксистских» предметов. Преподавание на первых трех курсах осуществлялось без подразделения на какие-либо специализации, циклы или уклоны и ставило целью дать широкую общую юридическую подготовку всем студентам, независимо от избираемой ими области юридической специализации. Специализация начиналась только на IV курсе, где студенты распределялись по двум отделениям: судебному и административно-хозяйственному. Здесь же проводилась специализация по еще более узким циклам и уклонам: хозяйственное право и гражданский процесс, уголовное право и уголовный процесс, административный цикл, хозяйственный цикл.[32]

Подводя итог анализу общего и особенного юридического образования в СССР и в эмиграции, можно отметить, что в учебных планах эмигрантских учебных заведений более или менее четко прослеживалась ориентация не столько на практическое приложение своих знаний, сколько на их потенциальную востребованность в будущей, освобожденной от большевизма, России. Отсюда - наличие широкого спектра дисциплин общеправового характера, типичных для программ юридических факультетов дореволюционных университетов, в чем в определенной степени проявился консерватизм в постановке юридического образования. В принципе подобная система, очевидно, являлась необходимой для будущих юристов, учитывая специфику их профессии. В СССР предметы «общего образования», носившие преимущественно «классовый» характер, в учебных планах возрожденных юридических факультетов оказали решающее влияние на программы, утвержденные в середине 20-х гг. Однако предусмотренная в них специализация была достаточно узкой, начиналась лишь со старших курсов и носила на себе отпечаток «классового» подхода, что не могло не сказаться на уровне подготовки будущих юристов, применявших знания в своей профессии во время печально известных политических процессов 30-х гг.

---

[1] Декреты Советской власти.М.,1959.Т.3.С.381-382.

[2] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства.1921.№ 65.Ст.486.

[3] ГА РФ.Ф.1565.Оп.1.Д.159.Л.34.

[4] Собрание узаконений…1920.№ 93.Ст.503.

[5] История Московского университета.М.,1955.Т.2.С.90.

[6] ГА РФ.Ф.2306.Оп.1.Д.36.Л.89.

[7] Там же.Оп.18.Д.22.Л.151.

[8] Там же.Оп.18.Д.119.Л.30.

[9] История Московского университета.Т.2.С.83.

[10] Народное просвещение.1918.№ 23-25.С.22-23.

[11] Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию.М.,1919.Вып.2.С.16.

[12] Право и жизнь.1922.№ 1.С.113.

[13] Красная газета.1924.20 ноября.

[14] ГА РФ.Ф.5765.Оп.1.Д.15.Л.40-72.

[15] Там же.Д.1.Л.113-18; Д.4.Л.29-34об.

[16] Там же.Д.4.Л.86-95.

[17] Там же.Д.15.Л.40-72.

[18] ГА РФ.Ф.5765.Оп.1.Д.15.Л.116об.,118об.; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции.М.,1997.С.462-463.

[19] ГА РФ.Ф.5765.Оп.1.Д.1 Л.26-30.

[20] Там же.

[21] Там же.Д.2.Л.190-190об.

[22] Там же.Д.15.Л 58об.–63.

[23] Там же.

[24] Там же.Л.149-162.

[25] Там же.

[26] Там же.Д.4.Л.151-152об.,372-372об.,335-335об.; Д.15.Л.135-136.

[27] Там же.Д.9.Л.212-214.

[28] Там же.Д.1.Л.207-225.

[29] Там же.

[30] Там же.Д.15.Л.149-162.

[31] История Московского университета.Т.2.С.256-257.

[32] Учебные планы социально-экономических вузов.М.,1927.С.82-84.